

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕ

Е.А. ЗДРАВОМЫСЛОВА,
А.А. ТЁМКИНА

Исследования женщин¹ и гендерные исследования на Западе и в России

Релевантность западных теорий для анализа российского гендера

С начала развития исследований женщин в России в 90-х годах дебатруется возможность использования западных феминистских теорий для анализа российских гендерных отношений. Вопрос заключается в том, насколько эвристичны схемы и подходы, разработанные при анализе *другой* реальности, для российского социально-культурного контекста. Надо признать, что аналогичные проблемы обсуждаются в прочих сферах социального знания, в частности при использовании теорий гражданского общества, общественных движений, трансформации и пр.

На наш взгляд, для того чтобы выработать позицию по проблеме применимости западных концепций для анализа *иного* контекста, целесообразно провести следующее аналитическое различие. В феминистском дискурсе мы выделяем содержательный блок, связанный с эмпирическим анализом гендерных отношений в конкретных обществах и стратах, с одной стороны, и методологию исследования, понимаемую в широком смысле, - с другой. Выводы конкретных эмпирических исследований ставят диагноз состоянию гендерных отношений в том или ином контексте. Они, без сомнения, различны. Так, внутрисемейные отношения полов могут иметь разные наполнение и смыслы в отдельных этнических, религиозных и прочих социальных группах. Культурно обусловленные значения вряд ли целесообразно распространять за пределы контекстов без достаточных на то оснований.

Другое дело методология. Она может оказаться уместной (или неуместной) как инструмент познания, работающий в разных контекстах с одинаковой эффективностью. В данном случае методологию мы понимаем как теоретически информированную перспективу анализа некоторого фрагмента социальной реальности: она находит свое выражение в эпистемологии, выборе и формулировке проблематики и методическом обеспечении исследования [1]. Мы задаемся вопросом, каков социально-культурный контекст, породивший ту или иную методологию гендерного анализа, и исходим из того, что рефлекслируемый контекст неизбежно диктует перспективу исследователя в подходе к проблеме. В связи с этим необходимо рассмотреть за-

¹ "Women studies", т.е. исследования женщин, женщинами, для женщин. Далее используется термин "исследования женщин".

падную методологию в перспективе социологии знания, т.е. выявить политико-культурные условия формирования гендерных исследований на Западе. Если мы поймем механизм становления гендерной методологии, то сможем прояснить возможности и барьеры использования западных моделей в российском обществе, а также получим ключ к выяснению природы теоретических разногласий современных российских исследователей в данной области.

Исследования женщин и гендерные исследования на Западе (англо-американская традиция)

Для анализа возникновения и динамики изучения гендерных отношений мы используем подход социологии знания. "Основной тезис социологии знания заключается в том, что существуют типы мышления, которые не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней... Социология знания стремится понять мышление, его конкретные связи с исторической и социальной ситуацией" [2]. Применяя этот тезис к гендерным исследованиям и исследованиям женщин, мы различаем *онтологические, политические, гносеологические* и *когнитивные* факторы развития этих исследований. Онтологические факторы - это повседневные практики внутри- и межполовых отношений, оформленных как конвенции гендерных контрактов. К политическим факторам мы причисляем опыт женского движения, проблематизирующий гендерные отношения. Гносеологические факторы в данном случае понимаются как познавательные установки анализа гендерной проблематики. Когнитивные факторы включают в себя знание и рефлексию гендерных отношений, связанные с участием в женском движении.

Как же "работают" эти факторы в западном контексте? Институционализация *исследований женщин и гендерных исследований* в западных обществах происходит начиная с 1970-х годов. Исследования развиваются как когнитивная практика женского движения второй волны, опираясь на критическое осмысление некоторой социальной теории. В результате происходит адаптирование макросоциальной теории к гендерной проблематике. Выделяют три исследовательских направления, развившихся в результате женского движения: 1) либеральный феминизм - полоролевой подход, 2) радикальный феминизм - исследования женщин и 3) конструктивизм - гендерные исследования. Эти направления развивались, сменяя и отрицая друг друга, и в настоящее время сосуществуют в рамках научного сообщества.

Либеральный феминизм - полоролевой подход (sex-role theory). Основным пафосом этого подхода - в обеспечении равенства мужчин и женщин в публичной сфере. В онтологическом смысле либеральное направление женского движения проблематизировало гендерный контракт "домохозяйки", доминирующий в западном обществе. Конвенции гендерного договора, предписывающего женщине роль домохозяйки, закрепляют такие параметры ее положения, как отсутствие экономической независимости и самостоятельного источника существования, выполнение материнской и супружеской роли в семье. В результате такой гендерной конвенции одинокие и бездетные женщины оказываются *исключенными* и воспринимаются как девиации. При этом опыт белой замужней матери среднего класса экстраполируется на другие категории женщин.

Такая гендерная онтология осмысливалась по-разному. Пожалуй, самой значительной на всех этапах развития феминизма стала работа С. де Бовуар "Второй пол" (1949), где была представлена экзистенциалистская трактовка различия полов и сформулирован лозунг "женщиной не рождаются, женщиной становятся". Однако в гегемонной социологической теории соответствующая онтология отношений между полами была закреплена в структурном функционализме. Классик этого направления Т. Парсонс в 40-50-х годах выразил предписанный статус домашней хозяйки в американском обществе через концепцию полоролевого разделения на примере семьи. Согласно его теории, женщина выполняет экспрессивную роль в социальной системе, мужчина - инструментальную [3, 4]. Экспрессивная роль заключается в установлении внутрен-

него баланса в семье, это роль домохозяйки; инструментальная - в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль добытчика [4, p. 47].

Хотя позиция Парсонса впоследствии была подвергнута критике [5], а затем и полному забвению со стороны феминистской мысли [6], его анализ разделения половых ролей проясняет и подтверждает онтологические основания положения женщины в западном обществе накануне возникновения женского движения второй волны. Более того, сам полоролевой подход стал первой теорией, объясняющей функционально обусловленное различие мужской и женской ролей в семье и обществе. Он позволил применить понятия социализации, ролей и статусов к интерпретации различий положения женщин и мужчин в обществе. В рамках этого подхода были выявлены напряжения половых ролей и сформулировано положение о кризисе американской семьи и, соответственно, мужественности и женственности [7, 8].

Обратимся к политическим факторам, способствующим переформулированию полоролевого подхода в теорию либерального феминизма. К концу 60-х годов стало очевидно, что гендерный контракт домохозяйки неприемлем для женщин с высшим образованием, а также для одиноких и незамужних. Именно они и стали активистками женского движения в это время, требуя равенства в сфере политики и экономики.

Мы рассматриваем либеральный феминизм как вариант полоролевого подхода, преломленного в опыте женского движения. Либеральные феминистки осмысливали положение женщин в рамках парсонсианства, формулируя тезис об угнетении женщин и мужчин предписанными им традиционными ролями. Такая когнитивная установка выдвинула перед движением политическую задачу изменения ролей, в частности выхода женщины за пределы роли домохозяйки. Вызов гендерным конвенциям контракта домохозяйки подразумевал обширную программу социальных преобразований в системе образования, в производственной, политической и законодательных сферах. Все эти реформы направлены на обеспечение равных прав и возможностей женщин в публичном мире, на изменение гендерного контракта в сторону "равного статуса" [9].

Эпистемологической установкой либерального феминизма стала ориентация на новое, "объективное" знание о женщинах (и мужчинах). Такое "истинное" знание предполагалось получить, сделав женщин "видимыми", т.е. включив их в качестве субъекта и объекта познания. Данная методология стала называться "добавление женщины" (adding women). Включить женщин как субъект познания на данном этапе означало обеспечить фактическое присутствие их в научном сообществе. Включить как объект - означало сделать женский опыт предметом исследования. Для выполнения этой двойственной стратегии в рамках либерального феминизма разрабатываются, с одной стороны, программы обеспечения женских квот на различных статусных позициях, а с другой - обсуждаются женская история, женская литература, женский труд, т.е. изучаются женщины.

Радикальный феминизм - исследования женщин (women studies). Главная идея этого направления заключается в том, что никакие правовые меры не в силах уничтожить патриархатные отношения между полами. Женщина останется угнетенной до тех пор, пока не будут осмыслены истинные основы патриархата, заключенные в сфере приватности и интимности. Сексуальность и репродуктивные возможности интерпретируются как основа угнетения женщины наряду с капиталистическими производственными отношениями.

В онтологическом смысле радикальный феминизм продолжал традицию либерального далее проблематизируя контракт домохозяйки. Но в области практик и опытов центральными проблемами становятся особенности женского опыта: репродуктивного - рождения детей, заботы и воспитания, угнетения патриархатным обществом, опыта страдания и, наконец, совместной борьбы в женском движении и переосмысления женской роли.

Политическим фактором этого исследовательского направления стала радикальная ветвь женского движения марксистской и социалистической направленности. Относительная депривация, актуализированная политическими возможностями массового де-

мократического движения, привела студенток - участниц университетских протестов в "группы роста сознания". В этих группах молодые женщины обсуждали свои, казалось бы, личные проблемы - зависимость от партнера, оскорбление чувства собственного достоинства, вынужденные аборт, фрустрации в сфере сексуальности, проблемы контакта и понимания с мужчинами. Таким образом, осуществлялась коллективная проб-лематизация исполняемых женских ролей. Их личное стало intersубъективным, а значит, и публичным. Через вербализацию и разделенную неудовлетворенность образовывалась женская коллективная идентичность "сестринства", которая должна была найти опору в некоей социальной теории угнетения.

Радикальные феминистки адаптировали марксистские и психоаналитические категории к анализу отношений полов. Центральной стала категория "патриархата" (универсальная политическая структура, наделяющая мужчин преимуществами за счет женщин [10, p. 242]), главными были вопросы угнетения женщин, власти, проблемы неравенства. Осмысление опыта женщин посредством таких категорий выступило в качестве когнитивной практики радикального женского движения 70-х годов.

Радикальные феминистки строят свою методологию изучения гендерных отношений. Они считают, что стратегия добавления женщин в науку не только недостаточна, но и оскорбительна. "Добавить женщину" - еще не значит изменить перспективу отношений между полами. Обычно такие "добавки" приводят к растворению женственности в патриархатном дискурсе, к смещению акцентов на фигуры подруг и спутниц мужчин-вождей. Новая область знания институционализируется под названием "исследования женщин" во всех смыслах, альтернативных патриархату. Предметом этих исследований является собственно женский опыт, специфика женского вообще, осмысление способов мужского господства и женского угнетения в обществе [1, 11-14]. В сфере гносеологии данные исследования придерживаются так называемого позиционного подхода (standpoint theory). В соответствии с ним истина об отношениях между полами может быть достигнута лишь теми, кто находится на общей позиции, разделяет женский опыт, рефлексивует его и имеет опыт участия в женском движении как в борьбе против патриархата. Основа истины о полах - страдание и сопротивление женщин. Очевидна близость такого подхода позициям марксистской гносеологии, утверждавшей истинность пролетарского знания в противовес буржуазной науке.

Социальный конструктивизм - тендерные исследования (gender studies). Данный подход опирается на понимание гендера как социально сконструированного отношения неравенства по признаку пола. Он утверждает контекстуальную обусловленность ген-дерной культуры как научного и повседневного знания о ней [15-17]. Сторонники данного подхода обращают внимание на роль исследователя/исследовательницы как "социального конструктора знания", на его/ее субъективность и предвзятость, на недостижимость истинного и неизменного знания. Символом веры становится множественность женственности, мужественности и их отношений.

Феминистские исследования 90-х годов в числе прочего меняют название и часто фигурируют под институциональным ярлыком *гендерный подход*.

Развитие исследований женщин на Западе привело к изменению подхода. Изучая женский опыт, исследовательницы вынуждены были усомниться в его онтологической гомогенности, в правомерности тезиса о единой женской сути, объединяющем женщин сестринском опыте. Женские опыты различаются в разных культурах и социальных группах. Категория различия становится основной в определении женственности. Различия задаются, прежде всего, через контексты возраста, расы, класса и сексуальной ориентации. В каждом обществе присутствует несколько гендерных контрактов, и один из них является господствующим. Такому господствующему контракту соответствуют образцы гендерной маскулинности и доминирующей феминности.

В процессе распространения курсов исследований женщин в 80-х годах в западных университетах обнаружилась нерелевантность созданных моделей опыта женщин - представительниц другой культуры [18]. Цветные феминистки и феминистки неевропейских стран сформулировали тезис об иерархии женщин и гегемонии западной моде-

ли феминизма. Этот факт признается и лидерами исследований женщин [12]. В связи с этим внимание сместилось к контекстам, определяющим различия (женского) опыта и его смыслов. В то же время развивается множество версий европейской феминистской мысли - французская школа, итальянская, немецкая, британская, скандинавская и пр.

Итак, гносеология гендерных исследований сводится к конструктивизму, согласно которому в социально сконструированном мире не существует "женского" как природного и неизменного. Гендеров много, а знание - это когнитивная практика, т.е. в каждой конкретной ситуации нужно анализировать, кто изучал, что, когда и почему. Эта позиция отрицает гранд-теорию женственности, но вместе с тем исходит из наличия группового гендерного опыта, например, черных женщин низшего класса или гомосексуалистов в Японии. Социальные и политические контексты, вводимые через пересечение категорий расы, класса и возраста, принципиальны для понимания гендерных отношений господства и власти. Углубление идеи конструирования приводит в 90-х годах к включению в гендерный анализ проблем культуры и языка.

Таким образом, различие исследований женщин и гендерных исследований на Западе отражает развитие и смену методологии феминистского подхода [11-19]. Если структурно-функциональный анализ стал познавательным инструментом либерального феминизма, то когнитивной практикой радикальной ветви женского движения стали марксизм и психоанализ - теории, которые легли в основу исследования женщин. В них подчеркивались отношения власти, неравенства, дискриминации, особенности женского опыта, его отличия от мужского и необходимость его озвучивания и изучения.

Гендерные исследования начали институционализироваться в 80-е годы в связи с развитием социально-конструктивистского и постструктуралистского подхода, с одной стороны, и движения цветных феминисток - с другой. В центре их внимания находятся механизмы создания и воспроизводства множественного гендерного неравенства.

И исследования женщин, и гендерные исследования развиваются в русле феминистской традиции. При этом часто "исследователи женщин" критикуют гендерный подход именно на основании неприятия самоназвания. Согласно этой критике, изменение самоназвания исследовательского направления на "гендерные исследования" означает измену феминистскому движению, поскольку термин "гендер" в публичном дискурсе воспринимается как менее радикальный и более политически нейтральный, чем термины "женщина", "феминизм" и "патриархат" [20].

Исследования женщин и гендерные исследования в России

Процесс становления гендерных исследований в России происходит в отличном от Запада социокультурном контексте: это отличия онтологические, политические, гносеологические и когнитивные. Онтологически российская гендерная система, контекст "решенного женского вопроса", контракт "работающая мать", конструкция "несостоявшейся маскулинности" (failed masculinity) определяют особенности подходов к проблематике мужского/женского.

Политические факторы формирования нового исследовательского направления связаны не столько с ролью женского движения, сколько с изменением политических возможностей системы в целом, появлением собственно публичного дискурса как нелицеприятного обсуждения проблем, в решении которых заинтересовано гражданское общество. Возникающий на волне дискурсивной либерализации российский гендерный дискурс 90-х годов в некоторой степени напоминает западный.

Например, мы видим, как происходит "добавление женщин" в историю, литературу и общественную мысль. "Гиноповорот", т.е. обращение к женской теме в общественном дискурсе очевидно. Растет число публикаций, изданий, посвященных женщинам. Женщины-политики, женщины-мыслители становятся объектом публичного дискурса, о чем свидетельствуют многочисленные издания [21-24]. Особенности женского опыта, положения женщин в разных сферах общества (публичной: экономической,

политической и приватной - семейно-бытовой), различия гендерных ролей и особенности полоролевой социализации занимают отчетливо выраженную нишу в исследовательском поле. Обращение к женской теме обусловлено, конечно, дискурсивной востребованностью прежде скрытого женского опыта, т.е. соответствующим социальным заказом. Далеко не всегда интерпретация женской роли в российских публикациях соответствует либерально-феминистским идеям. Женщина в российский дискурс зачастую возвращается как *патриархатная* любовница, подруга, спутница жизни настоящего деятеля - мужчины.

Одновременно в рамках такого дискурсивного поворота начинает формироваться новое направление - "гендерные исследования" [25], в рамках которого сосуществуют разные подходы. Их различают гносеологические установки (или факторы). Гносеологические (или познавательные) установки проявляются в приверженности исследователей той или иной социальной теории, диктующей выбор понятийного аппарата, методологии, в конечном итоге метода (и результатов) исследования. Понятие "гендер" интерпретируется по-разному в зависимости от той социальной теории или исследовательской парадигмы, в рамках которой изучаются отношения мужественности и женственности. В одном случае исследователи гендерных отношений руководствуются либерально-феминистской интерпретацией полоролевого подхода, подчеркивая различие, взаимодополнительность и равенство ролей мужчины и женщины. В другом - гендерные отношения рассматриваются как отношения власти и неравенства, в условиях которых патриархатное общество угнетает и подавляет женщину. Соответственно приверженцы различных социально-теоретических подходов исповедуют разную идеологию, что не всегда ими рефлексировано.

Очень часто в текстах по гендерной тематике остается не проясненной та парадигма, к которой принадлежит автор, что затрудняет аргументацию и понимание внутри дискурса. Вместо обсуждения проблем авторы начинают упрекать друг друга в предательстве интересов женщин, равенства и демократии. Надо сказать, что взаимное недовольство участников дискурса становится очевидным в большей степени в их выступлениях на конференциях женского движения или в журналистских статьях, где дискурс наиболее политизирован. Однако и в чисто научных выступлениях и в публикациях можно заметить имплицитно присутствующую напряженность.

Среди политических факторов, влияющих на становление гендерных исследований, мы выделяем российское женское движение. Возникшее в начале 1990-х годов российское женское движение первоначально диверсифицировалось и оформилось в две ветви - постсоветское женское движение и феминистскую ветвь. Им соответствует разделение на группы *исследующих женщин* и *гендерных исследований*, хотя в настоящее время такое жесткое разделение утрачивает свое значение.

Рассмотрим подробнее подходы, формирующиеся в отечественных исследованиях.

Направление, обозначенное здесь как исследования женщин, часто фигурирует под именем феминологии. Феминология определяется как "наука о положении и функциональных ролях женщины в обществе" [26, с. 173]. Это направление находится под влиянием *полоролевого подхода*. В центре внимания исследователей - социальное положение и социальная защита женщин. В этом случае акцент делается на комплементарности функций полов и необходимости социально-политического обеспечения равных прав. Хотя в рамках этого подхода используются понятия дискриминации, тендерной асимметрии (а иногда и термин "патриархат"), однако неравенство и угнетение не являются сущностными категориями анализа. Неравенство по признаку пола рассматривается как вполне преодолимое с помощью соответствующих защитных социальных реформ [26]. Такой подход к проблематике гендерных отношений *вписан* в идеологию, когнитивную практику и политику движения "Женщины России". Необходимость решения так называемых женских проблем (материнства и детства, женского труда, женской безработицы) диктует подобный типично либерально-феминистский подход в теории и политике женского движения. Не случайно один из центров феминологии развивается в Иванове, городе с традиционными женскими отраслями производ-

ства. (Здесь мы даем обобщенную характеристику движения, не рассматривая его идентификационную динамику, а также различия внутри движения.)

Гносеологические факторы - представление об истине и субъект-объектных отношениях в процессе познания - также оказали влияние на формирование женских исследований. Ученые, анализирующие барьеры распространения феминистской философии в восточноевропейских обществах, отмечают, что в советском общественно-научном дискурсе были прерваны теоретические традиции, создавшие почву для феминистской критики [27-29]. Критика рационального маскулинного субъекта предполагает развитую теорию субъекта, которая имеет несколько традиций: либеральную, критической теории и психоанализа. Поскольку все эти подходы были табуированы в догматическом марксизме, невозможна была и их критика, характерная для феминистской гносеологии и западного женского движения. Теории субъективности, развиваемые в советское время (Л. Выготский, Э. Ильенков, М. Мамардашвили, Ю. Лотман, М. Бахтин), остаются неиспользованным ресурсом отечественной феминистской критики. Возможно, такая невостребованность обусловлена господствовавшей до недавнего времени идеологией "решенного" женского вопроса. На наш взгляд, именно в связи с гносеологической "отсталостью" социального знания и недолгим периодом развития современного отечественного феминизма полоролевой подход остается доминирующим в исследованиях женщин.

Онтологические основания тендерных исследований мы понимаем как опыт отношений женственности и мужественности в современном российском контексте. Проводимые исследования показывают, что практики и депривации "работающей матери" [30, 31] существенно отличаются от практик и депривации американской "домохозяйки". Для тендерных опытов советского общества характерны также рефлексии по поводу кризиса маскулинности [32] или "неудавшейся" маскулинности [33, 34]. Опыт тендерных отношений в советской России и соответствующие ему тендерные конвенции делают не очевидными проблемы угнетения, осмысляемые на Западе через призму опыта неработающей (экономически несамостоятельной) женщины и замученного гегемонной маскулинностью мужчины.

Другая ветвь исследований гендерных отношений чаще всего идентифицирует себя как феминистское направление. Парадоксально, но именно это направление является аналогом западных исследований женщины, апеллирующих к категории *различия*, к сущностным особенностям женского опыта как такового, в том числе связанного с угнетением, неравенством, патриархатом. Здесь тендер выступает основной категорией анализа. Эта категория предполагает презумпцию глобального угнетения женщин. Исследования женского опыта насилия, сексуальных домогательств, например, чаще всего осуществляются в рамках такого подхода.

В России направление, фигурирующее под названием "гендерные исследования", занимает гораздо более радикальные позиции по сравнению с отечественной феминистской теорией. Его представительницы открыто называют себя феминистками, несмотря на отрицательную коннотацию этого ярлыка в общественном мнении и в академических кругах. Такой подход к гендерным отношениям нерасторжим с когнитивной практикой феминистской ветви российского женского движения. Многие ученые ориентированы на современное западное феминистское движение и используют категории анализа, связанные с феминистской парадигмой. Современному движению в России, тесно контактирующему с западным, приходится осмыслять не только особенности положения женщины в России, но и отличия проблем и практик движения от западных аналогов.

Теоретическими основаниями обеих ветвей исследований являются западная социальная теория (полоролевой подход, марксистская интерпретация положения полов, психоаналитические подходы, социально-конструктивистское и постмодернистское направления) и западные феминистские подходы (либеральный, радикальный, социалистический, постмодернистский феминизм, феминизм "цветных"). И сегодня многие исследователи заняты переводами западных феминистских текстов на русский язык или проблемами "адаптации" западной теории к российскому контексту [35-37].

Как уже отмечалось, онтология российских гендерных отношений отличается от западного опыта, ставшего основой феминизма в развитых странах. Именно поэтому тендерный подход формируется в достаточно узком (хотя и расширяющемся) философски информированном сообществе, но до сих пор вызывает отторжение за пределами феминистской аудитории. Прояснить корни данного подхода может самосооставление положения российских женщин с западными (что напоминает об аналогичном вызове цветных феминисток). Сомнение в релевантности западных моделей приводит исследователей к проблематизации категории единого женского опыта и способствует поиску ответов на вопросы в рамках третьего подхода к гендерным отношениям - социального конструктивизма. Здесь основной вопрос гендерных отношений формулируется следующим образом: как сконструирован (особый) российский опыт отношений мужественности и женственности и в чем его особенность?

На наш взгляд, *социально-конструктивистская парадигма* задает рамки исследования механизмов формирования и воспроизводства мужественности и женственности, тендерной культуры, "создания гендера" в повседневности, в публичной (экономике, политике, масс-медиа) и приватной сферах, а также способы формирования знания о них. Одновременно этот подход оставляет пространство для концептуализации социальных изменений гендерных отношений, являющихся результатом проблематизации конкретного опыта.

Гендерно чувствительное исследование диктует и требования к методу. Оно подразумевает рефлексивность субъект-объектных отношений в процессе познания. Задачей феминистских социологических исследований становится реконструкция множественности опытов и смыслов женственности/мужественности [38]. Рефлексивный метод изменяет соотношение ученого и испытуемого. Диалоговая форма, интеракционное интервью способствуют преодолению отчуждения в ходе исследования. Для преодоления (или смягчения) иерархии в исследовательской ситуации предлагается включать информанта в обсуждение результатов, интерпретация может выработываться совместно. Попытка построить симметричные отношения между ученым и информантом дает шанс преодолеть отчуждение знания и перевести его в политический проект, направленный на достижение равенства. Констатируется, что ученый не является невидимым, автономным, беспристрастным субъектом. Это личность, имеющая установки, интересы и эмоции, влияющие на постановку задач, способ проведения исследования и его интерпретацию. Рефлексия на всех этапах - основная особенность феминистского исследования.

Такая рефлексия субъект-объектных отношений диктует соответствующее представление о получаемом знании. Контекстуально ограниченное знание, открыто выражающее интересы сторон, трудно отождествить с истиной, понимаемой в позитивистском смысле. Более того, релятивизм постановки проблемы обостряет проблему валидности и надежности полученных сведений и интерпретаций. Формируемое знание, очевидно, есть элемент политического проекта социальных изменений. Оно является инструментом когнитивного освобождения, роста сознания и изменения идентичности. Такой взгляд на отношения познаваемого и познающего опирается на предположение о том, что эпистемология социальных изменений должна отличаться от эпистемологии стабильности. Теория познания постсовременности и трансформаций проблематизирует идентичности всех субъектов, выдвигая новых актеров, формирующих эпистемологию, к числу которых, безусловно, относится и современное женское движение, в том числе и российское.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Feminism and Methodology*. Bloomington-Indianapolis, 1987.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
3. *Parsons T. Age and Sex in the Social Structure (1942) // Parsons T. Essays in Sociological Theory Pure and Applied*. Glencoe. Illinois, 1949. P. 218-232.
4. *Parsons T., Bales R. Family. Socialization and Interaction Process*. New York, 1955.

5. Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.
6. Johnson M. Feminism and the Theories of Talcott Parsons // *Feminism and Sociological Theory* Vol. 4. Newbury, 1989.
7. Komarovsky M. *Blue-Color Marriage*. New York, 1964.
8. Pleck J. *The Myth of Masculinity*. Cambridge, 1981.
9. Hirdman Y. *The Gender System // Moving on. New Perspective on the Women's Movement*. Aarhus, 1991.
10. Turtle L. *Encyclopedia of Feminism*. London, 1987.
11. Smith D. *Sociological Theory: Methods of Writing Patriarchy // Feminism and Sociological Theory*. Vol. 4. Newbury, 1989.
12. Smith D. *The Conceptual Practices of Power: a Feminist Sociology of Knowledge*. Toronto, 1990.
13. Stacey J., Thorne B. *The Missing Feminist Revolution in Sociology//Social Problems*. 1985.
14. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Феминистская эпистемологическая критика: кризис социального знания и поиски выхода // *Женщина. Гендер. Культура*. М., 1999.
15. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // *Гендерные тетради*. Вып. 1. Труды Санкт-Петербургского филиала ИС РАН. 1997.
16. Лорбер С. Пол как социальная категория // *Thesis*. 1996. № 6. 17. Lorber S. *Paradoxes of Gender*. Yale, 1994.
18. Bell Hooks. *Feminist Theory: From Margin to Centre*. Boston, 1984.
19. Hof R. *Die Entwicklung der Gender Studies // Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften*. HRS.G. Von Hadumod Bussmann and Renate Hof. Stuttgart, 1995.
20. Richardson D., Robinson V. *Theorizing Women's Studies, Gender Studies and Masculinity: The Politics of Naming // The EJWS*. 1994. Vol. 1.
21. Монсле Ш. *Женщины-масонки*. М., 1993.
22. История жизни благородной женщины: Сабанева Е., Головина В., Лабзина А. М., 1996.
23. Пушкарева Н. *Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница*. М., 1997.
24. *Женщина в мифах и легендах. Энциклопедический словарь*. Ташкент, 1992.
25. Гурко Т. Социология пола и гендерных отношений // *Социология пола и гендерных отношений*. М., 1998.
26. *Социальная феминология. Учебное пособие*. Иваново, 1998.
27. Havelkova H. *A Few Prefeminist Thoughts / Gender Politics and Post-Communism. Reflection from Eastern Europe and the Former Soviet Union*. New York-London, 1993.
28. Racioppi L., O'Sullivan S. *Organizing Women before and after the Fall: Women's Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia // Signs*. Summer 1995. Vol. 20.
29. Smejkalova-Strickland J. *Do Czech Women Need Feminism? Perspectives on Feminist Theories and Practices in Czechoslovakia // Women's Study International Forum*. 1994. Vol. 17.
30. Temkina A., Rotkirch A. *Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia // Idantutkimus*. 1996. №2.
31. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*. Сб. статей. СПб., 1996. Вып. 4.
32. Zdravomyslova E., Chikadze E. *Heavy Drinking in the Context of Male Biographical Experience // Quality of Life: Male and Female Strategies of Health*. INTAS Project Report. St. Petersburg, 1998.
33. Zdravomyslova O. *Reflection on the Transition of the Breadwinner Model in Russia // Men's Family Relations*. Stockholm, 1996.
34. Arutiunyan M. *Gender Identities of Russian Parents: Does False Identity Help? // Men's Family Relations*. Stockholm, 1996.
35. *Гендерные исследования*. Харьков, 1998. № 1.
36. *Теория и история феминизма*. Харьков, 1996.
37. *Гендерные тетради*. Вып. 1. Труды Санкт-Петербургского филиала ИС РАН, 1997.
38. Stanley L., Wise S. *Breaking Out*. London, 1983.